

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

С. Л. ЧЕРНОВ

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ (1766–1861)

Пересматривая типичные историографические оценки дореформенной сословной политики самодержавия, автор исследует два взаимосвязанных комплекса тем: 1) происхождение, содержание, характер, технологии решения и место крестьянского вопроса в структуре социально-экономических и политических процессов; 2) предпосылки, причины, задачи и последствия реформы 1861 г., разработка ее философской и технологической сторон. Автор полагает необходимым отделить реформу от предыдущих попыток решения крестьянского вопроса, формулирует концепцию «двух реформ» и приглашает к дискуссии по проблемам социальной политики самодержавия XVIII – первой половины XIX века и генезиса капитализма.

Ключевые слова: *крестьянский вопрос, реформа 1861 года, сословная политика, крепостное право*

Рубеж XV–XVI вв. на Руси стал временем смены исторической парадигмы: эпоха борьбы с Ордой и собирания земель отходила в прошлое, в России начался этап централизации и унификации¹.

Главной задачей российских правителей стало обустройство страны: создание на всем пространстве подвластных земель эффективной системы управления, включавшей верховную власть, центральную и местную администрацию, фискальную систему, единое законодательство и т.д. Одновременно принципиально изменился характер военной опасности: на смену удельной усобице, татарским набегам, дружинам и ополчениям приходила полномасштабная война нового времени, что заставляло формировать новую армию. Россия не могла пойти по европейскому пути наемных армий: страна не обладала для этого экономическими ресурсами. Комплекс внутренних и внешних факторов толкал московских государей на поиск кадров, как для управленческой системы, так и для войска нового образца. На роль управленцев активно претендовало боярство. В результате феодальной войны оно оказалось структурировано в форму Государева Двора², что свидетельствовало об отказе от притязаний на корону, но не означало готовность отречься от прав на участие в управлении. Вотчинное землевладение позволяло ему оставаться сравнительно экономически и политически независимым от верховной власти, а административная система – кормления – использовалась для личных нужд. Это существенно сужало политические возможности верховной власти. При этом знать ни численно, ни организа-

---

¹ Зимин 1972.

² Зимин 1991. С. 203–204.

ционно не могла обеспечить новые военные потребности. Приходилось искать способ трансформации дружины в поместную конницу. Пути было два: обложить вотчину государевым тяглом в виде обязательной службы и создать поместье – пожизненное владение, обремененное служебными обязанностями держателя. В результате начало складываться дворянство – массовая социальная группа, способная при полном экономическом и политическом контроле со стороны верховной власти решать как внешние, так и внутренние задачи.

Первым шагом на пути создания дворянства стало учреждение поместий. Вторым – превращение вотчины в служилое землевладение³. Третьим – отмена местничества и иммунитетных прав. Четвертым – слияние вотчины и поместья в единую по правовому режиму форму поземельной собственности⁴ и обложение землевладельцев податями: личной – обязательное обучение и пожизненная служба; и имущественной – денежные повинности с каждого записанного за поместьем двора и поставки за свой счет рекрутов. Эффективными инструментами принуждения шляхетства к службе стали майоратное право и Табель о рангах. Эта политика (от Ивана III до Петра I) породила три следствия: 1) землевладение оказалось обременено службой, при этом князь не нуждался в средствах на содержание войска, служба стала натуральной повинностью; 2) были заложены основы социальной иерархии, базирующейся на значимости исполняемой функции; 3) сложились условия для возникновения целенаправленной государственной политики стратификации общества – сословного строя. В основу сословного строя была положена сложившаяся ко второй четверти XVIII в. социальная стратификация. При Петре население России в социальном плане оказалось дифференцированным по двум взаимосвязанным критериям: по типу повинности, определявшему функцию, исполняемую социальной группой (крестьяне, ремесленники, купцы и т.п.); и по форме собственности, обеспечивавшей отправление повинности, – недвижимой и движимой.

Процесс формирования сословного строя занял в общей совокупности не менее 150 лет и прошел в своем развитии несколько этапов.

1-й этап (1730–1768): в этот период верховная власть даровала дворянству комплекс имущественных и личных прав. Начало положила Анна Иоанновна, отменившая майоратные ограничения⁵, продолжила Елизавета, санкционировавшая разработку программы социально-экономических привилегий дворянства⁶, а завершили Петр III указом о вольности дворянства⁷ и Екатерина II, давшая дворянам исключитель-

³ ПСРЛ 2000. С. 269.

⁴ Российское законодательство 1986. С. 296.

⁵ ПСЗ-1 № 5653.

⁶ Латкин 1887. С. 80-184; Рубинштейн 1951. С. 208-251.

⁷ ПСЗ-1. № 11444; Фаизова 1999.

ное право распоряжаться землей и крепостными⁸. В результате к концу 1760-х гг. дворянство превратилось в привилегированный слой, обладавший рядом прав, главным из которых было освобождение от обязательной службы и податей. Так родилась социальная политика.

Причины кардинальной смены курса в отношении дворянства коренятся в дестабилизации политической системы после реализации указов 1714 и 1722 гг.⁹ Основная масса дворянства довольствовалась имущественными и личными льготами, но верхушка домогалась социальных и даже политических прав. В XVIII в. она активно претендовала не только на участие наряду с монархом в управлении государством (как пример – Сенат с широчайшими полномочиями, выступавший соправителем Петра), коллективным регентом в его отсутствие, но и на частичное присвоение собственно верховной власти, о чем свидетельствует деятельность Верховного Тайного Совета, пытавшегося присвоить себе часть суверенитета монарха и даже (1730) право его избрания. После 1735 г., когда подписи трех кабинет-министров были приравнены к подписи императрицы, а издаваемые Кабинетом министров указы – к именным, можно говорить об узурпации верхушкой дворянства полномочий монарха. В 1762 г. Н.И. Панин предложил создать «коллективного государя» – императорский Совет¹⁰. Наконец, политические претензии аристократии проявились в той роли, какую гвардия играла в династических кризисах XVIII в., возводя и низвергая правителей¹¹. Выход дворянства за пределы патерналистской модели взаимоотношений монарха с подданными вынуждал самодержавие расширять свою социальную базу.

2-й этап (1767–1785) характеризуется поиском самодержавием альтернативной дворянству социальной опоры. Механизмом формирования сословного строя стала кодификация типов повинностей и собственности, т.е. прав сословий. Встраивание дворянства в единую сословную систему позволяло возродить значение самодержавия как единственного верховного института власти. В «Наказе» Екатерина указала на необходимость формирования трех сословий: дворянства, «служащих людей» (ст. 360–375), мещан в городах, «упражняющихся в ремеслах, в торговле, в художествах и науках» (ст. 359, 377–383) и крестьянства, пребывающего в селах и деревнях и обрабатывающего «землю, из которой произрастающие плоды питают всякого состояния людей» (ст. 358)¹². Началом частичной реализации этой программы стало издание Жалованных грамот дворянству и городам. Они систематизировали и существенно расширили разрозненное законодательство о сословиях, даровав дворян-

⁸ Белявский 1965. С. 266–280.

⁹ ПСЗ -1 № 2789; ПСЗ-1. № 3893.

¹⁰ Каменский 1999. С. 381.

¹¹ Корсаков 1880; Курукин 2003.

¹² Императрица Екатерина Вторая 2008. С. 81, 83.

ству и горожанам не только имущественные и личные, но и общественные права (сословное самоуправление). Единая правовая форма поземельной собственности (поместье) и единый тип хозяйства (господская усадьба) стали объективными предпосылками для появления только одного сословия – дворянства¹³. Напротив, объективные причины для консолидации городского сословия отсутствовали. В России статус города определялся административными, а не экономическими критериями¹⁴, что обусловило разнородность хозяйственно-бытовых укладов и социальных устремлений городского населения. В то же время наличие у городского населения недвижимой собственности и капиталов позволило искусственно сконструировать совокупность «городских сословий» в Жалованной грамоте городам. Появление в 1785 г. шести категорий городского населения с приписанными им признаками сословий является результатом целенаправленной политики государства – искусственным и аморфным политико-юридическим конструктом¹⁵.

Критерий обладания собственностью для отправления повинности, заложенный в основу сословной стратификации¹⁶, исключал крестьянство из числа сословий, что противоречило представлениям верховной власти о желаемой социальной структуре общества. Замысел создать крестьянское сословие представлял собой основанный на отвлеченных рассуждениях и оторванный от действительности проект. В экономической плоскости ему препятствовало отчуждение крестьянина от недвижимой собственности при свойственном барщинному хозяйству наделении его землей. В правовом отношении – факт существования крепостного права, разделившего крестьянство на различные категории, права и обязанности которых в XVIII в. описаны не были. Их закрепление в 1830–1850-е гг. (IX т. Свода законов) привело к законодательной фиксации двух крупных крестьянских групп: крепостных (помещичьих) крестьян и свободных сельских обывателей (однодворцы, государственные, посессионные, удельные, экономические крестьяне, свободные хлебопашцы и т. д.). Различия в правовом положении категорий явно препятствовали формированию единого сословного статуса¹⁷.

Различия осознавались правительством уже в середине XVIII в., когда консолидация дворянского сословия привела к ужесточению крепостного права и превращению крестьянина в «крещеную собственность». Эмансипация дворянства способствовала дальнейшей дискри-

¹³ Экономическая и социальная консолидация дворянства позволяла государству даровать ему единый комплекс прав, что воплотилось в Жалованной грамоте и законодательстве 1830-х гг. – Иванова, Желтова 2009. С. 89-149; Миронов 2014. С. 860.

¹⁴ Кошман 2008. С. 42-51; Миронов 2014. С. 792-801.

¹⁵ Иванова, Желтова 2009. С. 333-402.

¹⁶ Чернов К.С. 2007.

¹⁷ Иванова, Желтова 2009. С. 556-557.

минации крестьянства¹⁸. Однако главной преградой было отсутствие у крестьян собственности. В представлении верховной власти крестьянское сословие могло возникнуть только в результате отмены крепостного права с предоставлением крестьянству земли; т.е. путем образования альтернативного дворянству собственника. Монополия дворянства на населенные земли и крайние формы дворянского патернализма в отношении крестьян препятствовали как наделению помещичьего крестьянина собственностью, так и предоставлению ему прав. Напротив, положение государственных крестьян, хотя и не владевших землями, но обладавших значительной самостоятельностью, приводило к постоянным попыткам интегрировать их в социально-административную практику самодержавия, что наглядно доказывается изменением правового статуса крестьянского схода в системе уездной администрации.

Все это делало невозможным появление крестьянского сословия, свидетельство чему – судьба Жалованной грамоты крестьянству¹⁹. Однако оформив два из трех сословий, власть стремилась встроить в этот процесс крестьянство, завершив сословное строительство. Эта мысль стала *idée fixe* царизма, не осознававшего, что оснований для объединения разных категорий пашенного населения в единое сословие в действительности не существовало. Как направление внутренней политики крестьянский вопрос был сформулирован Екатериной II, выступавшей за личное освобождение крестьян с наделением их недвижимым и движимым имуществом. В статьях «Наказа»²⁰, на конкурсе ВЭО, в Уложенной комиссии и на страницах журналов²¹ этот вопрос был представлен как тема крестьянской эмансипации, но сводился к предоставлению крестьянину собственности для отправления повинности. Дворянство категорически отвергло идею отмены крепостного права, ограничившись в лучшем случае моральным осуждением помещичьего произвола. Столкнувшись с активным сопротивлением, Екатерина уступила.

Появление крестьянского вопроса не было обусловлено социально-экономически, он стал порождением стремлений монархов ослабить верхушку дворянства, умерить ее давление на власть, а в перспективе и вовсе лишить доступа к власти: только так можно было укрепить монархию и преодолеть кризис, созданный Петром. Истинное содержание крестьянского вопроса заключалось не в стремлении царизма решать назревшие социальные конфликты²², а сводилось к намерению утвер-

---

¹⁸ Белявский 1965. С. 38-54.

¹⁹ Сб. РИО 1877. С. 447-498.

²⁰ Императрица Екатерина Вторая 2008. Ст. 295-296. С. 71.

²¹ Белявский 1965. С. 176-347.

²² История подавления пугачевского бунта – последнего крупного крестьянского выступления до 1905 г. – наглядно демонстрирует реальные механизмы, к которым прибегали для решения социальных конфликтов.

дить действенные социальные механизмы управления обществом в целом и дворянством в частности. Отмена крепостного права была не самостоятельной целью, а инструментом правительственной политики.

Крестьянский вопрос стал объектом ожесточенной полемики. Общество и власть вкладывали совершенно разные смыслы в понимание крестьянского вопроса, и потому он существовал в двух ипостасях: официальной – политико-прикладной, и общественной – отвлеченно-морализаторской. Правительство и по времени постановки вопроса, и по глубине его разработки значительно опередило общество. Верховная власть обдумывала не только саму идею, но и технологии ее реализации, тогда как общество ограничилось обсуждением преимущественно морально-этического аспекта проблемы.

3-й этап (1797–1855) характеризуется переходом крестьянского вопроса из теории в практику. Правительство приступило к поиску ответов на вопросы: 1) как добиться согласия помещиков на реформу, 2) какие технологии избрать для ее проведения, 3) чем заменить крепостное право. Первой попыткой получить согласие помещиков на проведение реформы стал указ 1797 г.²³, отразивший стремление царизма к государственному регулированию отношений помещиков и крепостных.

Павел, Александр и Николай ответа на этот вопрос не нашли. Причина в том, что основанное на крепостном труде феодально-барщинное хозяйство, определявшее в качестве монопольной формы аграрного производства характер и структуру экономики империи, не исчерпало своих потенциальных возможностей. Вплоть до 1861 г. оно оставалось рентабельным, пребывая в начальной фазе товаризации²⁴, без значимых признаков кризиса или разложения. Лучшее подтверждение этому – отсутствие заинтересованности помещиков в реорганизации своих хозяйств²⁵. В этих условиях апелляция к благоразумию дворянства оказалась безрезультатной: в крестьянском вопросе верховная власть и помещики выступали не как союзники, а как противостоящие силы. Причина тому очевидна – отмена крепостного права, на базе создания самостоятельно крестьянского хозяйства, означала экспроприацию помещика.

Сохранить рентабельность помещичьего хозяйства, наделив крестьянина землей и отменив принудительный труд, в парадигме аграрного общества с малым совокупным прибавочным продуктом было невозможно. Это обстоятельство, в частности, похоронило проект А.А. Арак-

---

²³ ПСЗ-1. № 17969.

²⁴ Ковальченко, Милов 1974. С. 380.

²⁵ В 1860 (!) г. А.В. Головин писал из рязанского имения в.кн. Константину Николаевичу: «Во всей губернии нет имения, где бы помещик употребил капитал на введение рациональной системы сельского хозяйства. <...> Умственной деятельности нет никакой, и весьма немного выписывается сюда газет и журналов, а дельных, серьезных книг – никогда». Цит. по Шевырев 1990. С. 34.

чеева, предлагавшего выкуп государством помещичьей земли с крестьянами. Ограниченность административно-финансовых возможностей вынудила поставить вопрос: за чей счет должна быть проведена эмансипация крестьянства? Правительство было готово вкладываться в социальную судьбу государственного крестьянина, о чем свидетельствует реформа П.Д. Киселева, а помещик раскошелиться на крепостных не желал. Решение этого вопроса предполагало в качестве обязательной и необходимой меры принуждение дворянства. О своем отрицательном отношении к отмене крепостного права и наделению крестьянина землей дворянство неизменно информировало верховную власть. При Екатерине дворяне провалили объявленный ею конкурс²⁶ и отклонили в Уложенной комиссии все проекты, предусматривавшие даже незначительные меры по улучшению положения крестьян²⁷. При Александре I П.Д. Киселев²⁸ и Н.С. Мордвинов²⁹ прямо указывали на политические и социальные потрясения в случае нарушения прав дворянства при отмене крепостного права. При Николае усилия Секретных комитетов 1830-х гг. вылились, в конечном счете, в неполноценный указ об обязанных крестьянах³⁰. Указ 1803 г., разрешивший помещикам отпускать крепостных на волю с обязательным наделением землей (ПСЗ-1. № 20620), появился в результате инициативы небольшой части самого дворянства, и был юридически оформлен в виде необязательной рекомендации³¹.

Дворянство продемонстрировало свою полную независимость от верховной власти. Объяснение этому только одно – монархия была не готова к применению насилия. Убийство Павла явилось красноречивым предостережением от монаршего деспотизма. Александр, поручив Аракчееву составить проект отмены крепостного права, потребовал, чтобы он «не заключал в себе никаких мер стеснительных для помещиков, и особенно, чтобы меры сии не представляли ничего насильственного со стороны правительства»³². «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую меру никогда не решусь, как не решусь и на то, чтобы приказать помещикам заключать договоры; это должно быть делом доброй их воли»³³, – заявил Николай Д.В. Голицыну при обсуждении проекта указа об обязанных крестьянах. Власть исчерпала лимит на насилие, расправившись с декабристами. Единственным предложением, сформулированным от лица Николая комитетом 6 декабря 1826 г., стала идея

---

²⁶ Белявский 1965. С. 281-304.

²⁷ Там же. С. 72-99, 176-201.

²⁸ Семевский 1888. Т.1. С. 433-435.

²⁹ Там же. Т.1. С. 440-443.

³⁰ Там же. Т.2. С. 29-108; Ружицкая 2008.

³¹ Семевский 1888. Т.1. С. 252-281; Предтеченский 1957. С. 169-175.

³² Семевский 1888. Т.1. С. 437.

³³ Там же. Т. 2. С. 62.

двуетиной реформы, полностью провалившаяся не позднее 1842 г. Все это сделало невозможными продолжение поисков решения крестьянского вопроса. Уступив дворянству, верховная власть (от Екатерины II до Николая I) продемонстрировала свое бессилие и слабость. Вымученный в XVIII в. аморфный социально-административный конструкт «городские сословия» показал в условиях низкой товарности экономики свою несостоятельность: город не стал союзником царизма в деле экспроприации дворянства и освобождения крестьянства. Это стало решающей причиной сохранения крепостного права в первой половине XIX века.

Более результативными оказались поиски технологий реформы. Рассматривались два метода: выкуп и инвентари. Инвентарная реформа, т.е. программа трехэтапного реформирования деревни, была разработана комитетом 1835 г. На первом этапе согласно указу 1797 г. работа крестьян на помещиков ограничивалась тремя днями в неделю, на втором – точно определялись крестьянские повинности, на третьем – крестьяне получали личную свободу³⁴. Однако комитет 1839–1842 гг. от этого метода отказался. Поскольку инвентари были отвергнуты, единственным механизмом оставался выкуп. Его предложил в 1801 г. П.А. Зубов³⁵. Идея была воплощена в рекомендательном указе 1803 года. Дальнейшее обсуждение последовало в 1816–1824 гг. в серии записок. Различия между подходами А.А. Аракчеева, Н.С. Мордвинова, Е.Ф. Канкрин и П.Д. Киселева фактически сводились к процедурным вопросам³⁶. Неудивительно, что именно на выкупе остановились в 1861 г.

Однако, определившись с технологией, разработчики реформы вновь столкнулись с проблемой финансирования. Ни крестьянство, ни государство, ни помещики такими финансовыми возможностями не обладали. Это стало одной из причин ограниченного применения указа 1803 г. и провала проектов выкупа крестьян за счет казны.

Ответ на вопрос, чем заменить крепостное право, прямо зависел от того, планировалось ли освобождение крестьян с землей или без земли. Если с землей, то предусматривалось превращение крестьянина в мелкого собственника, если без земли, то крепостное право замещалось договорными отношениями. Первый вариант был использован лишь в указе 1803 г. и проекте Аракчеева, предусматривавшем наделение выкупленных казной крестьян двумя десятинами на ревизскую душу. Предпочтение отдавалось второму пути. На практике он был реализован в ходе реформы 1804–1819 гг. в прибалтийских губерниях³⁷ и в указе 1842 г.³⁸ Эту позицию разделяли большинство авторов проектов 1816–1824 гг.:

---

³⁴ Дружинин 1946. С. 280–298.

³⁵ Сафонов 1988. С. 142–144.

³⁶ Семевский 1888 Т. 1. С. 435–448.

³⁷ Кахк 1962; Кахк 1988.

³⁸ ПСЗ-2. № 15462.

А.Ф. Малиновский³⁹, Н.С. Мордвинов, П.Д. Киселев. Категорическим противником освобождения с землей был Николай, что определило содержание предложений, разработанных секретными комитетами. В ходе обсуждения выяснилось, что в то время и при том типе аграрной экономики заменить крепостное право – единственный эффективный инструмент присвоения труда крестьянина – было нечем. Этим объяснялась и негативная реакция помещиков на правительственные инициативы.

В рамках третьего этапа ни для одного из трех вопросов решения найдено не было. Единственным реальным достижением стала интеграция крестьянской общины казенной деревни в систему бюрократического управления империи в ходе реформы П.Д. Киселева, что означало кодификацию общественных прав государственных крестьян⁴⁰.

Следует признать, что такие вопросы как запрещение продавать крестьян без земли, положение дворовых людей, мерные работы имеют, хотя и важное, но второстепенное значение. Этот пласт проблем представляет собой периферию крестьянского вопроса. Их появление объяснялось провальными попытками найти решение главной задачи. Обсуждение их никак не влияло на судьбу самого института крепостного права, а касалось в лучшем случае смягчения условий крепостной зависимости, ограничения помещичьего произвола и степени эксплуатации.

Итак, наблюдается ярко выраженная закономерность. Крестьянский вопрос был сформулирован царизмом в 1760-х гг. как вопрос об освобождении крестьян с землей, для создания второго после помещика типа земельного собственника. Ввиду отказа дворянской корпорации даже обсуждать эту проблему, дальнейшее ее рассмотрение ограничилось узким кругом высшей бюрократии и получило принципиально иное содержание: идея наделения крестьян недвижимой собственностью была подменена идеей безземельного освобождения. Такой итог был закономерен. Институт крепостного права выполнял важнейшие общественно значимые функции⁴¹. Крепостничество нейтрализовало общину – основу крестьянского сопротивления и тормоз становления как частновладельческой, так и казенной земельной собственности и феодально-барщинного хозяйства. На практике оказалось невозможным реализовать принцип частной собственности на землю, не преодолев сопротивления общины. Крепостное право было единственным способом изъятия прибавочного продукта. Оно обеспечивало экономическое развитие империи, и цементировало существовавшие в стране социальные отношения и политический строй. Крепостная зависимость была важнейшим компенсационным механизмом выживания и поступательного развития об-

³⁹ Семевский 1888. Т. 1. С. 439-440.

⁴⁰ Дружинин 1946. С. 526-572.

⁴¹ Милов 1985. С. 178-201; 1992. С. 37-56; 1998. С. 456.

щества, определявшего его характер и структуру⁴². Ликвидация «альфы и омеги российской истории»⁴³, «базового института русской жизни»⁴⁴ привела к системному кризису самой российской государственности.

4-й этап (1857–1861) характеризуется вмешательством внешнеполитических факторов в разработку реформы. Локальное поражение в Крыму, воспринятое властью и обществом как военная катастрофа, со всей очевидностью выявило неадекватность военно-экономического потенциала России той политической роли, которую она заняла в мире после 1815 г.⁴⁵ Потребность в проведении военных реформ созрела в конце правления Николая I, т.е. хронологически до «крымской катастрофы» и до выступления Александра II 30 марта 1856 года. «Морское ведомство первым показало готовность правительства к реформам <...> и стало первым государственным учреждением, которое заявило о необходимости преобразований и приступило к их осуществлению»⁴⁶. Проект А.В. Головнина оказался «гораздо масштабнее программы возрождения флота»: военные «шли далее ведомственных проблем и затрагивали общегосударственные институты: административное управление, официальную печать, образование, суд, телесные наказания, крепостной труд, финансы, казенное хозяйство»⁴⁷. Военные первыми осознали невозможность проведения военных реформ без всеобъемлющей перестройки под военные нужды административно-социальной машины империи и, в первую очередь, без отмены крепостного права. Показательно, что главный проводник военных реформ в правительственных кругах в.кн. Константин Николаевич с 15 июля 1857 года состоял членом Особого комитета для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии, преобразованном 16 февраля 1858 года в Главный комитет по крестьянскому делу, а в декабре 1860 года именно он был назначен председателем этого комитета⁴⁸. Иными словами, реформа 1861 года проводилась для сохранения за Россией статуса великой державы. Без отмены крепостного права невозможно было приступить ни к кардинальной перестройке вооруженных сил, в первую очередь, к переходу на всеобщую воинскую повинность, ни к созданию индустрии,

---

⁴² Милов 1998. С. 418.

⁴³ Миронов 2015. С. 11.

⁴⁴ Филд 1992. С. 87.

⁴⁵ Восточный кризис 1820-х и Лондонские конвенции 1840-х гг. стали первыми признаками утраты Россией статуса ведущей европейской державы, который был невозможен без современной армии и военной индустрии. Крымская кампания положила начало, а Берлинский трактат завершил вытеснение империи на периферию международной политики.

⁴⁶ Шевырев 1990. С. 3-4.

⁴⁷ Там же. С. 33-37.

⁴⁸ Шилов 2001. С. 308-318.

способной преодолеть технологическое отставание страны и обеспечить военную конкурентноспособность империи.

Сложившийся в середине 1850-х внутривластный кризис, выразившийся в сочетании двух факторов: а) единства общества и правительства в оценке Парижского трактата как катастрофы и б) оформления в России абсолютизма⁴⁹, позволил, наконец, найти способ преодолеть сопротивление дворянства. Только совокупность этих факторов дала возможность администрации Александра II, первого русского абсолютного монарха, навязать дворянству проведение реформы, осуществить то самое насилие, на которое не решились его предшественники, но без которого проведение реформы было невозможно. Первый фактор заставил власть осознать неизбежность принуждения дворян к реформе, второй позволил продиктовать им свою волю. И это несмотря на то, что, по признанию Александра II в январе 1858 г., «большая часть дворянства высказывает свое сопротивление»⁵⁰. Никакого нового механизма по сравнению с секретными комитетами Николая I правительство не предложило: Редакционные комиссии стали ширмой для жесткого и последовательного проведения правительственной программы реформ⁵¹. Эти же причины позволили при подготовке реформы 1861 г. найти решение вопроса об источнике финансирования крестьянской эмансипации: самодержавие, помещики (включая и либеральную прослойку) единодушно предоставили право оплатить свою свободу самим крестьянам. Впервые этот подход был опробован в 1849 и 1856 гг. в Лифляндии и Эстляндии, где крестьяне получили право выкупать земли в собственность. Такое решение, а также «выкупная операция» преследовали дополнительную цель – получить средства для проведения казенной индустриализации, без которой модернизировать армию было невозможно.

Все это свидетельствует о проведении в 1861 г. не социально-политической реформы, которую готовили императоры второй половины XVIII – первой половины XIX в., а военной, т.е. реформы, вызванной не внутренними социально-политическими, а внешними военными причинами. Таким образом, первоначальная внутривластная цель реформы, состоявшая в конструировании сословного строя, была вытеснена насущными внешнеполитическими задачами. Внешняя политика определила курс политики внутренней и предопределила социальный, экономический и политический кризис второй половины XIX века.

В силу всего вышесказанного, следует говорить не об одной, а о двух крестьянских реформах. Принципиальное различие между ними кроется в породивших их обстоятельствах и целях, перед ними постав-

⁴⁹ Чернов С.Л. 2000. С. 32-50; 2012. С. 478-507; Чернов К.С. 2014. С. 128-136.

⁵⁰ Захарова 2008. С. 379.

⁵¹ Зайончковский 1968. С.111.

ленных. Принципиальное внешнее сходство – в технологиях реализации. Первая была направлена на формирование абсолютизма путем создания сбалансированной сословной системы, способной стать крепкой опорой самодержавной власти и противовесом дворянству, вышедшему к середине XVIII века из-под контроля самодержавия. Ее разрабатывали императоры от Екатерины II до Николая I включительно. По характеру она была социально-политической, а по форме – сословной. Причиной ее неудач стали: 1) несоответствие между политическим стремлением самодержавия удержать абсолютную власть любой ценой и возможностями аграрной экономики, 2) слабость городского сословия, не позволившая царизму опереться на него в противостоянии с дворянством. Российский абсолютизм середины XVIII – первой половины XIX века не был похож на европейский абсолютизм XVIII века: он не являлся политической системой межсословного баланса, а императорская власть не превратилась в третейского судью⁵². Вторая, порожденная внешними обстоятельствами, имела целью решение прикладных внешнеполитических и военных задач. По характеру она была военной, а по форме, как и первая, сословной. Вследствие этого реформа 1861 г. одновременно создавала необходимые условия для достижения приоритетной на тот момент цели – проведения военной реформы и в качестве побочного эффекта юридически оформляла не только крестьянское сословие, но и в своем завершенном виде сословный строй⁵³. Другое дело, что в рамках данной реформы оформление сословного строя отошло на второй план. Реформа технически завершила процесс становления сословного строя, добавив к ранее кодифицированным общественным правам крестьянина права имущественные и личные: в результате крестьянство превратилось в третье сословие Российской империи. Задача, сформулированная еще Екатериной, получила законченное воплощение. Поскольку в модели русского сословного строя гражданские права были следствием имущественных прав, постольку – помимо прочих причин⁵⁴ – реформа 1861 года наделила крестьян землей. Именно это внешнее сходство двух реформ породило представление историков о том, что истоки реформы 1861 года следует искать в первой половине XIX века⁵⁵.

Несомненно, между этими реформами прослеживается определенное сходство. Обе были направлены на сохранение и укрепление сложившейся в России государственности. Жертвуя крепостным пра-

---

⁵² Чернов К.С. 2014. С. 128-136.

⁵³ Иванова и Желтова считают, что складывание крестьянского сословия завершилось только к концу XIX в. – Иванова, Желтова 2009. С. 653.

⁵⁴ Крестьянское хозяйство обеспечивало бесперебойное снабжение государства товарным хлебом и внутреннюю политическую стабильность. – Захарова 2011. С. 237.

⁵⁵ Так, Л.Г. Захарова усматривала связь программы 1850-х гг. с «предшествовавшим законодательством». – Там же. С. 41, 325.

вом, власть сохраняла в неприкосновенности все прочие экономические и социально-политические особенности внутреннего устройства империи – общину, помещичье хозяйство, сословия, самодержавие.

Особая близость двух реформ наблюдается в технологиях, которые в условиях дефицита времени администрация Александра II заимствовала у предшественников. Именно оттуда пришли:

- идея освобождения крестьян сверху (впрочем, следует признать, что тогда не существовало другой, кроме государства, силы, способной подготовить и провести реформу в жизнь);
- идея о необходимости и неизбежности принуждения дворянства к реформе;
- принцип освобождения крестьян с землей за выкуп, т.е. создание на основе крестьянства широкого слоя мелких собственников – надежной опоры самодержавия;
- определение размеров выкупа феодальных повинностей на основе методики, восходившей к инвентарям.

Из этого следует, что использованные в реформе технологии восходили преимущественно к опыту екатерининской и александровской администрации. Но хотя технологии влияют на результаты реформ, их суть определяется мотивацией и задачами. Поэтому 1766–1861 гг. нельзя рассматривать как эпоху генезиса крестьянской реформы образца 1861 года. Крестьянский вопрос до Крымской войны и после нее, хотя и сводился к отмене крепостного права, это две разные проблемы. Ни Екатерина, ни Павел, ни Александр, ни Николай реформу в том виде, в каком ее разработали и провели в 1861 г., не готовили. Она явилась результатом деятельности «либеральной бюрократии» середины XIX в., творчески воспринявшей и отчасти приспособившей к потребностям текущего момента технологическое наследие предшественников.

Не следует искать идейной близости между этими реформами. Если связь между ними и существовала, то не идейная, а технологическая: одни администраторы переняли некоторые методы из недавнего опыта других. Та же Л.Г. Захарова верно подмечает, что «либеральные бюрократы» под прямым воздействием неудач в Прибалтийских губерниях отказались от безземельного освобождения крестьян, что организация волости и компетенция волостных судов во многом взята из реформы П.Д. Киселева⁵⁶, и т.д. Но делать из факта простого заимствования опыта и технологий вывод об однородности содержания крестьянского вопроса и политики в этом вопросе самодержцев от Екатерины II до Александра II включительно представляется, по меньшей мере, спорным.

Кроме того, *locus communis* историографии является мысль о том, что реформа 1861 года. 1) была вызвана первой революционной ситуацией и кризисом феодальных отношений⁵⁷; 2) что ее конечная цель со-

⁵⁶ Там же. С. 230, 234, 325 и др.

⁵⁷ Там же. С. 66-67, 241, 256, 238 и др.

стояла в отмене крепостного права⁵⁸; 3) что реформа носила буржуазный характер⁵⁹. Все эти тезисы, по нашему мнению, являются более чем неоднозначными. До 1861 года страна находилась не в периоде генезиса капитализма, а в начальной фазе товаризации хозяйства помещика и крестьянина: в недрах феодально-барщинного хозяйства наблюдалось становление не капиталистического, а простого товарного производства. Свидетельства этому: низкий уровень развития второго общественного разделения труда, узкий спектр неземледельческих занятий населения, слабое развитие городов, различных форм промыслов и промышленности, не сложившийся внутренний рынок, неразвитость путей сообщения и транспорта, страхового дела, коммерческих банков и кредита, ипотеки, первоначального накопления капиталов и т.д. Иными словами, феодальный способ производства не исчерпал своих потенциальных возможностей развития и не пребывал в стадии дезорганизации. Следовательно, причины появления крестьянского вопроса и отмены крепостного права надо искать в иных сферах и связывать с иными процессами.

Поиски идейной близости реформы 1861 года с экспериментами предыдущих царствований напрямую связаны с тем, что возникновение крестьянского вопроса и отмену крепостного права выводят из одного корня - кризиса феодализма. В действительности же они порождены совершенно разными потребностями: в одном случае необходимостью утвердить сословный строй и укрепить верховную власть, в другом – провести военную реформу и построить военную индустрию. То и другое ни к классовой борьбе, ни к разложению феодализма не имело ни малейшего отношения. Конечная цель реформы 1861 года состояла не в отмене крепостного права, а в сохранении за Россией статуса великой державы. Ликвидация крепостничества (как и все прочие «великие реформы») выступает не целью, а технологией военных реформ 1860-х гг., способом достижения задач, вызванных потребностью создания новой армии и новой промышленности, требовавших всеобщей воинской повинности и рынка свободной рабочей силы. Отсюда проистекает концепция реформы – выкуп полевых наделов и превращение крестьянина в мелкого собственника при условии сохранения дворянского землевладения. Примечательно, что единственным технологическим новшеством реформы 1861 года стала придуманная «либеральной бюрократией», т.е. сторонниками индустриального вектора развития России, «выкупная операция», ограбившая большинство населения страны в угоду построению индустрии, ориентированной преимущественно на удовлетворение милитаристских амбиций самодержавия. Этим же объясняются и все отмеченные историографией «недостатки» реформы, которые тако-

⁵⁸ Там же. С. 195, 206, 220, 222, 256, 324 и др.

⁵⁹ Там же. С. 325, 326, 329 и др.

выми не являлись, так как с их помощью авторы Положения 19 февраля намеревались сохранить сословное неполноправие крестьянства, т.е. иную (по сравнению с крепостным правом) форму все той же личной зависимости. Это были вполне запрограммированные «недостатки».

Побочным эффектом стало появление главного условия конструирования крестьянского сословия – новой формы поземельной собственности. В центре внимания Секретного и Главного комитетов, Редакционных комиссий находились исключительно процедурные вопросы. С этой точки зрения реформа имела утилитарное значение, что роднит ее с крестьянскими проектами XVIII – первой половины XIX в.

В задачи реформы 1861 г. не входило насаждение капитализма, а потому она не является буржуазной по своему характеру. Буржуазным по форме является только выкуп, да и то лишь отчасти, ибо крестьянин выкупал не землю, а личную свободу. Прочие мотивы, заставившие власть провести реформу, но осуществить ее с максимальным учетом интересов помещиков, не несут даже оттенков буржуазности. В силу этого реформа не преследовала цель перехода к капитализму, а была вся «оплетена, пронизана феодально-крепостническими отношениями» – указными наделами, прирезками, отрезками, временно-обязанным положением, исчислением выкупа от дореформенных повинностей крестьян⁶⁰. Связывать буржуазный характер реформы следует не с задачами, а с отдаленными и не предусмотренными авторами последствиями.

Реформа 1861 года представляет собой трагическую неизбежность русской истории. Преждевременный отказ от крепостного права, определявшего «характер и структуру общества в целом»⁶¹, повлек за собой системный кризис российской государственности, в конечном итоге – революции, крушение абсолютизма, распад империи и потерю статуса великой державы. Планируя реформу во имя сохранения империи и ее международного положения, власть получила прямо противоположный итог. Проведя реформу, Александр II, с одной стороны, погубил существовавший в России *ancien régime*, с другой, хотя и непреднамеренно, – положил начало формированию другой России.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева М. 1965. [Belyavskij M.T. Krest'yanskij vopros v Rossii nakanune vosstaniya E.I. Pugacheva (formirovanie antikrepostnicheskoj mysli). M. 1965].
- Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М.-Л. 1946. [Druzhinin N.M. Gosudarstvennye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva. T. 1. M.-L. 1946].
- Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М. 1968. [Zajonchkovskij P.A. Otmena krestpostnogo prava v Rossii. M. 1968].

⁶⁰ Там же. С. 257.

⁶¹ Милов 1998. С. 418.

- Захарова Л.Г. Александр II и место России в мире // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М. 2008. [Zaharova L.G. Aleksandr II i mesto Rossii v mire // Petr Andreevich Zajonchkovskij. Sbornik statej i vospominanij k stoletiju istorika. M. 2008].
- Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М. 2011. [Zaharova L.G. Imperator Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii. M. 2011].
- Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России в XVв. М. 1991. [Zimin A.A. Vityaz' na raspут'e. Feodal'naja vojna v Rossii XVv. M. 1991].
- Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVIв. М. 1972. [Zimin A.A. Rossiya na poroge novogo vremeni. Oчерki političeskoj istorii Rossii pervoj treti XVI v. M. 1972].
- Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII-начало XX века). М. 2009. [Ivanova N.A., Zheltova V.P. Soslovnoe obščhestvo Rossijskoj imperii (XVIII-nachalo XX veka). M. 2009].
- Императрица Екатерина II. Наказ, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. М. 2008. [Imperatrica Ekaterina II. Nakaz, dannyj Komissii o sočinenii proekta novogo Uložheniya. M. 2008].
- Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. М. 1999 [Kamenskij A.B. Ot Petra I do Pavla I. M. 1999].
- Кахк Ю.Ю. «Остзейский путь» перехода от феодализма к капитализму. Таллин. 1988. [Kahk Y.Y. «Ostzejskij put'» perekhoda ot feodalizma k kapitalizmu. Tallin. 1988].
- Кахк Ю.Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце 18 и в первой четверти 19 века. Таллин. 1962. [Kahk Y.Y. Krest'yanskoe dvizhenie i krest'yanskij vopros v Estonii v konce 18 i v pervoj chetverti 19 veka. Tallin. 1962].
- Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. М. 1974. [Koval'chenko I.D., Milov L.V. Vserossijskij agrarnyj ryнок. XVIII – nachalo XX v. Opyt kolichestvenno analiza. M. 1974].
- Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань. 1880. [Korsakov D.A. Vosarenie imperatricy Anny Ioannovny. Kazan'. 1880].
- Кошман Л.В. Город и городская жизнь России XIX столетия. М. 2008. [Koshman L.V. Gorod i gorodskaya zhizn' Rossii XIX stoletiya. M. 2008].
- Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России. 1725-1762. М. 2003. [Kurukin I.V. Epoha «dvorskikh bur'»: oчерki političeskoj istorii poslepetrovskoj Rossii. 1725-1762. M. 2003].
- Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Т. 1. СПб. 1887. [Latkin V.N. Zakonodatel'nye komissii v Rossii v XVIII stoletii. T. 1. Spb. 1887].
- Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 1998. [Milov L.V. Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoričeskogo procesa. M. 1998].
- Милов Л.В. О причинах происхождения крепостного права в России // История СССР. 1985. № 3. С. 178-201. [Milov L.V. O prichinah proiškhozheniya krepostnogo prava v Rossii // Istorija SSSR. 1985. № 3. S. 178-201].
- Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 37-56. [Milov L.V. Prirodno-klimaticheskij faktor i osobennosti rossijskogo istoričeskogo procesa // Voprosy istorii. 1992. № 4-5. S. 37-56].
- Мионов В.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1-2. СПб. 2014–2015. [Mironov V.N. Rossijskaja imperiya: ot tradicii k modernu. T. 1-2. Spb. 2014–2015].
- Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории в первой четверти XIX века. М.-Л. 1957. [Predtečenskij A.V. Oчерki obščhestvenno-političeskoj istorii Rossii v pervoj chetverti XIX veka. M.-L. 1957].
- Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. М. 1986. [Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. T 4. M. 1986].
- Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754-1766гг. и ее проект нового Уложения («О состоянии подданных вообще» // Исторические записки. Т. 38. М. 1951. [Rubinshtejn N.L. Uložhennaja komissiya 1754-1766gg. i ee proekt novogo Uložheniya «O sostojanii poddannyh voobščhe» // Istoricheskie zapiski. T. 38. M. 1951].

- Ружижская И.В. Крестьянский вопрос при императоре Николае I: к вопросу о последствиях указа 1842 г. об обязанных крестьянах // Отечественная история. 2008. № 4. С. 24-37. [Ruzhickaya I.V. Krest'yanskij vopros pri imperatore Nikolae I: k voprosu o posledstviyah ukaza 1842g. ob obyazannyh krest'yanaх // Otechestvennaya istoriya. 2008. № 4. S. 24-37].
- Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII-XIX вв. Л. 1988. [Safonov M.M. Problema reform v pravitel'svennoj politike Rossii na rubezhe XVIII-XIX vv. L. 1988].
- Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века. Т. 1-2. СПб. 1888. [Semevskij V.I. Krest'yanskij vopros v Rossii v XVIII i v pervoj polovine XIX veka. T. 1-2. SPb. 1888].
- Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М. 1999 [Faizova I.V. «Manifest o vol'nosti» i sluzhba dvoryanstva v XVIII stoletii. M. 1999].
- Филд Д. 1861: «год юбилея» // Великие реформы в России. 1856-1874. М. 1992. [Fild D. 1861: «god yubileya» // Velikie reformy v Rossii. 1856-1874. M. 1992].
- Чернов К.С. Абсолютизм в России // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 128-136. [Chernov K.S. Absolyutizm v Rossii // Voprosy istorii. 2014. № 1. S. 128-136].
- Чернов К.С. Забытая конституция. Государственная Уставная Грамота Российской Империи. М. 2007. [Chernov K.S. Zabytaya konstituciya. Gosudarstvennaya Ustavnaya Gramota Rossijskoj Imperii. M. 2007].
- Чернов С.Л. К вопросу о времени возникновения абсолютизма в России // Россия в XVIII-XX веках. Страницы истории. М. 2000. С. 33-50. [Chernov S.L. K voprosu o vremeni voznikoveniya absolyutizma v Rossii // Rossiya v XVIII-XX vekah. Stranicy istorii. M. 2000. S. 32-50].
- Чернов С.Л. Эволюция монархической формы государства в России // От античности до современности. М. 2012. С. 478-507. [Chernov S.L. Evolyuciya monarhicheskoy formy gosudarstva v Rossii // Ot antichnosti do sovremenosti. M. 2012. S. 478-507].
- Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М. 1990. [Shevurev A.P. Russkij flot posle Krymskoj vojny: liberal'naya byurokratiya i morskije reformy. M. 1990].
- Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802-1917. СПб. 2001. [Shilov D.N. Gosudarstvennyye deyateli Rossijskoj imperii. 1802-1917. SPb. 2001].
- Чернов Сергей Леонидович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX – начала XX века, МГУ им. М.В. Ломоносова; chernovsl@mail.ru

Peasant issue in Russia (1767-1861)

The article deals with a peasant's issue as one of the key aspects of the Russian class system genesis (1766–1861). The authors' analysis envisages two linked topics in complex: 1) origin, contents, character, decision-making technologies and place of the peasant issue in overall structure of socio-economic and political processes back then; 2) background, reasons, targets and consequences of the peasant reform in 1861, in particular, development of its philosophical and technological components. Authors reconsider pre-reform class autocratic policy typical of historiography, including but not limited to reform characteristic in 1861. Namely, supreme power has initiated the peasant issue led by purely political goals, therefore being artificial. Authors believe it necessary to distinguish 1861 reform from previous attempts to resolve this issue by defining the concept of “two reforms”. Authors' opinions invite discussions on problematics of social policy and capitalistic genesis in the XVIIIth and the first half of the XIX centuries.

Keywords: peasant issue, 1861 reform, class policy, serfdom

Sergey Chernov, PhD (History), assistant professor, Department of History of Russia XIX – the beginning XX c., Moscow State University; chernovsl@mail.ru